

А.П. Миньяр-Белоручева

ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ КАК СРЕДСТВО ВОССОЗДАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; ostvera@mail.ru

Аннотация. В данной работе рассматривается исторический нарратив в диахроническом аспекте, отношение к которому в XX веке со стороны историков и философов было неоднозначным. Исторический нарратив как один из способов репрезентации и интерпретации исторических событий, характеризующийся последовательностью изложения материала, рассмотрением причин и следствий конкретных событий, может быть воплощен во множестве форм, обусловленных широким разнообразием целей, стоящих перед историками, включая как печатный материал, так и визуальный, воплощенный в документальных и художественных фильмах. Значение исторического нарратива для исторического дискурса велико. Исторический нарратив не ограничивается описанием фактов и событий, он способствует формированию восприятия истории с конкретных позиций историка его создавшего, поскольку мировоззрение историка обусловлено средой его окружающей. В цели и задачи данной статьи входит анализ аргументов, выдвигаемых сторонниками и оппонентами исторического нарратива, допускающего множественное толкование одних и тех же событий; выявления масштабности и типа событий, допускающих их репрезентацию в форме исторического нарратива. В результате проведенного исследования было установлено, что исторический нарратив играет ключевую роль в восприятии и осмыслении мира прошлого. Методы исследования заключаются в анализе и синтезе изучаемых нарративов, кодировании, а также индуктивном и дедуктивном методах, необходимых для выявления закономерностей тем нарративов. В результате проведенного исследования было установлено, что исторический нарратив играет важную роль не только в осмыслении и восприятии исторических событий реципиентом, но и в формировании его исторической памяти.

Ключевые слова: исторический нарратив, историческая память, события прошлого, сохранение идентичности, историк

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-13

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ostvera@mail.ru

© Миньяр-Белоручева А.П., 2025

Для цитирования: Миньяр-Белоручева А.П. Исторический нарратив как средство воссоздания исторической памяти // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 1. С. 186–197. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-13

В настоящее время исторический нарратив как средство сохранения идентичности каждого народа и его сплочения находится в фокусе научных исследований историков, политологов и лингвистов. Историческая память, объединяющая народ, воплощается в нарративе, который является имманентным свойством человеческого мышления, организующим «нашу память, намерения, жизненные истории, идеи нашей “самости” или “персональной идентичности”» [Брокмейер, Харре, 2020]. Исторический нарратив наряду с историографическим дискурсом является действенным способом сохранения исторической памяти, «реконструкцией того, чего больше нет» [Нора, 1999: 20].

Исторический нарратив, будучи одним из способов передачи исторических событий, долгое время находившийся на периферии академической истории, восходит к древнегреческой традиции и был востребован до начала XX века. Четко структурированный и классифицированный фактологический материал историографии не мог передать все многообразие чувств и мыслей людей исторического прошлого, особенности их образа жизни, что привело историков к необходимости обращения к историческому нарративу как эмоционально-субъективной форме передачи исторического опыта народа.

С момента своего возникновения история сочетала науку и искусство. Понять прошлое и суметь донести его до читателя всегда было основной задачей историка, для которого владение словом имело первостепенное значение. С античных времен история рассматривалась как разновидность литературы. Первые дошедшие до нас исторические произведения «Илиада» и «Одиссея» были написаны гекзаметром. Несмотря на то, что прозаическую историю создали логографы, нарративные исторические произведения берут начало в трудах Геродота. Веками историки, находясь под покровительством двух муз — Клио и Калиопе, сохраняя память о произошедших событиях и убеждая читателей в их истинности, пользовались определенным набором риторических и стилистических приемов, владение которыми считалось обязательным. Исторический нарратив способен держать читателя в напряжении, вызывать у него сильные эмоции и, посредством установления сложных ассо-

циативных связей, погружать его в эпоху повествования, создавая иллюзию реального участия в исторических событиях.

В настоящее время исторические произведения, составляющие огромный пласт научной литературы, подразделяют на нарративные, описательные и аналитические. Считается, что для создания исторического дискурса историку необходимо сочетать нарратив, описание и анализ, поскольку обращение только к одной из них не позволяет реконструировать жизнь человека в историческом прошлом во всей ее конкретности и сложности [Butterfield, 1951: 237]. В задачи исторического исследования входит не только воспроизведение прошлого, но и его интерпретация. Нарратив и описание направлены на выполнение первой задачи, анализ — на исполнение второй.

Аналитические исторические произведения восходят к философским, политическим и риторическим трудам Аристотеля, Демосфена, Цицерона. Произведения эпохи Возрождения, отличающиеся лаконичностью и логической строгостью изложения материала, предвосхитили аналитические исторические работы, которые появились вместе с возникновением истории как науки. Однако аналитические произведения утвердились не сразу. На протяжении XIX в. некоторые историки предпочитали не только рассказывать историю, но и красочно описывать ее.

Описательная история, не ограничиваясь перечислением сухих фактов, требует от историка наличия такого же живого воображения, как и от писателя. В XIX веке непревзойденные произведения описательной истории были созданы Томасом Бабингтоном Маколем, Томасом Карлейлем, Томасом Тревельяном, стиль которых настолько сближался со стилем художественной литературы, что писатели, вдохновленные историками, использовали их работы в качестве фона, на котором происходили события их исторических романов. Несмотря на явное торжество аналитических произведений над нарративными в исторической науке XX века, своей славой описательная история обязана Фернану Броделю, который, вопреки общепринятой тенденции, будучи художником слова, создал уникальные по масштабности, глубине и красочности научные исторические произведения, в которых бурлила и кипела жизнь многоголосного исторического прошлого Средиземноморья. И все же, ни повествовательный, ни описательный метод не мог четко обосновать и объяснить развернувшийся во времени исторический процесс. Эту возможность историки получили только после того, как история в начале XIX века перешла в область науки, и основное

внимание стало уделяться не форме подачи материала, а методологии и методике его исследования.

Анализ был признан наилучшей формой, раскрывающей причинно-следственные связи исторических событий, изложенных в хронологической последовательности. Однако аналитические работы имели свои недостатки: выигрывая в интеллектуальной четкости, они проигрывали в исторической непосредственности, сознательно придерживаясь ригоризованно-сухого стиля. В работах, созданных в аналитическом ключе, выявляются и устанавливаются тенденции и закономерности развития человеческого общества, проводится анализ исторических трудов историков разных веков, направлений и школ, объясняются причины и следствия событий прошлого. Владение источниками происходит в ущерб стилю, что вызывает сложности при их прочтении и, как следствие, результатом этого становится потеря интереса к ним со стороны широкой общественности. Соединение в одном научном произведении двух форм исторического дискурса — аналитической и нарративной, позволило вернуть интерес читателей к историческим произведениям.

Однако для возвращения нарратива в исторический дискурс потребовалась смена парадигм, когда антропоцентризм «позволяет по-новому подойти к рассмотрению» [Левицкий, 2016: 184] места человека в мироздании, вернув его на волне постмодернизма в центр как «мерило всего» — “the matter of all things”, обратив основное внимание на тех, чье достоинство унижалось веками. Из трех основных форм, свойственных историческому дискурсу — описания, нарратива и анализа, только нарративу удалось реконструировать жизнь простого человека в прошлом. «Культ индивидуализма» [Тер-Минасова, 2000: 215], провозглашенный постмодернизмом, поставил во главу угла защиту прав «виктимизированного меньшинства», защиту прав каждого человека в отдельности не только в настоящем, но и в прошлом. Жизнь простого человека в историческом прошлом можно было передать посредством нарратива, который, воспроизводя атмосферу эпохи, создает у читателей иллюзию непосредственного личного участия в ней.

Исторический нарратив является единственной формой исторического дискурса, который, выстраивая хронологически точную последовательность исторических событий, способен держать читателя в напряжении, вызывать у него сильные эмоции и, путем установления сложных ассоциативных связей, погружать его в эпоху повествования, создав иллюзию реально происходивших событий. Если до начала XIX века нарратив господствовал в историческом

дискурсе, то к началу 70-х годов XX столетия, несмотря на новые методы его использования для изложения событий, он стал предметом ожесточенных споров.

Так, Ф. Бордель, Ф. Фуре, Ле Гофф считали исторический нарратив идеологически нагруженной ненаучной стратегией, отказ от которой принесет истории только пользу как научной дисциплине. С другой стороны, Ролан Барт, Мишель Фуко, Жак Деррида, Юлия Кристева, Умберто Эко подходили к историческому нарративу как к дискурсивному коду, не давая однозначного ответа о его пользе или вреде для истории. Представители школы «Анналов» не поддерживали персонифицированную историю малых форм с ее детализацией событий, бытовыми проблемами, которая тысячелетиями пользовалась популярностью и которую можно было донести до современного читателя посредством нарратива. Их интересовала масштабная история, последствия которой можно было бы проследить, проанализировав продолжительный временной отрезок. Историки данной школы не разделяли интерес нарративистов ни к житейским темам, ни к политической культуре, дискурс которой формировался под влиянием эмоций и личных убеждений простых людей. Занимавшиеся герменевтикой Х.-Г. Гадамер и П. Рикёр видели в нарративе своеобразную структуру времени, проявляющуюся в дискурсе.

Передавая события в линейной последовательности, неспешно переходя от десятилетия к десятилетию, от года к году, скрупулезно отсчитывая дни и часы, повествуя о сражении или наблюдая за развитием политического кризиса, историкам-нарративистам, Даме Вероники Веджвуд [Wedgwood, 1959; Wedgwood, 1993] и Стивену Рансимену [Runciman, 1951; Runciman, 1965], талантливым ученым и писателям, удалось реконструировать эпохальные события в форме нарративной истории, несмотря на ее чрезвычайно ослабленные позиции. В крупномасштабных работах в полной мере проявляются такие достоинства исторического нарратива, как хронологическая последовательность, внимание к роли случая и осложнение событий, в водовороте которых погибают их участники. Долг историков по отношению к прошлому, согласно Даме Веронике Веджвуд, заключается в «воссоздании непосредственного опыта людей исторического прошлого» [Wedgwood, 1955: 16].

Следует подчеркнуть, что несмотря на то, что нарратив создает у реципиентов иллюзию непосредственного участия в или наблюдения за историческими событиями, воспроизводя атмосферу, соответствующую конкретной эпохе, он требует упрощенного

толкования причинно-следственных связей, ограничивая таким образом любые попытки научного анализа событийной истории. Нарратив, позволяя проследить минимальное количество «событийных линий», не дает возможности выявить глубинные причины случившегося и оценить последствия. Выстраивание сложной причинно-следственной связи позволяет выявить истинные причины случившегося, которые не всегда могут быть определяющими. Считается, политическая причина лучше всего подходит для нарративного исследования. Повествуя о войнах или революциях, историки-нарративисты основное внимание уделяют поводу, ставшему триггером к развязыванию конкретного конфликта, но не выявлению глубинных причин, которые привели общество на грань катастрофы. Ограниченность нарративного метода еще в большей степени проявляется при изучении революций, в которых доминируют массы, затмевая даже наиболее ярко выраженных исторических личностей, мысли и действия которых можно было бы репрезентировать в виде повествования. Историки считают, что эволюционные преобразования, происходившие в области духовной истории на протяжении многих столетий и опосредованно связанные с внешними событиями, можно воспроизвести в нарративной форме [Southern, 1953: 14–15]. Однако причины аграрной и промышленной революций, требующие глубокого анализа и четкого изложения, не поддаются нарратизации.

Нарративные формы в истории используются для изображения жизни «маленького человека». Парадигмальный сдвиг, который привел к смене модернизма и выходу «среднестатистического человека» из тени безвестности, способствовал возрождению исторического нарратива, заставившего задуматься всех о судьбе простого человека, чья жизнедеятельность происходила в сложное и опасное время.

В эпоху постмодернизма историки обратились к нарративу, чтобы показать, как изменения социальных структур, жизненных циклов и культурных ценностей, которые они анализировали абстрактно, отражались на отдельных людях. Но вместо создания нарратива, охватывающего общество в целом, они приводили наиболее яркие эпизоды из жизни людей исторического прошлого, которые получили название «микронарративы» [Burke, 1991: 241], а история, повернувшаяся «лицом» к простому человеку, была названа «микросторией».

Карло Гинзбург, создатель «микростории», в своем бестселлере *The Cheese and the Worms: The Cosmos of a Sixteenth-Century Miller* —

«Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в.» [Ginzburg, 1980], воссоздал историю жизни простого человека, мельника Доменико Сканделла, по прозвищу Меноккио, который как и многие «маленькие люди» оставался в неизвестности, если бы не документы, составленные инквизицией, по приговору которой он был сожжен на костре за свое вольнодумство и свободолюбивые высказывания. Карло Гинзбург оживил этого человека благодаря своему мининарративу, созданному на грани науки и искусства, посвященному не только судьбе мельника-вольнодумца, но и «народной культуре», яркую картину которой он создал, соединив работу ученого и мастерство писателя.

В классическом «микронарративе» Натали Зимон-Дэвис *The Return of Martin Guerre* — «Возвращение Мартина Герра» [Zemin-Davis, 1983], разворачивается настоящий детектив, в основу которого были положены реальные события XVI века. Драматична судьба крестьянина из Нижних Пиренеев Мартена Герра. История, случившаяся четыре века назад, взволновала зрителей, увидевших фильм, созданный на ее основе в 1982 году, затем и читателей книги Натали Зимон Дэвис. Посредством вербального и визуального кодов создается виртуальная реальность, реконструирующая неосязаемое, оживающее в ментальном пространстве современного человека историческое прошлое. Визуально-вербальные средства реанимировали канувшую в Лету эпоху, заставив сопереживать данному событию людей, которые, несмотря на то, что не могли изменить прошлое, почувствовали драматизм происшедшего.

Неперцептивная, необратимая во времени история людей, живших в далекие эпохи, оживает в исторических «микронарративах», демонстрируя, что столкновение культур не является прерогативой XX века. Нежелание представителей разных народов понять и оценить культуру друг друга всегда приводило к конфликтам. Исторический «микронарратив» Джонатана Спенса *The Question of Hu* — «Вопрос о Джоне Ху» [Spence, 1997] служит тому примером. Каждое произведение «микроистории» является уникальным. Историк погружает своего читателя в эфемерный мир, созданный языком, который становится реальным. Грань между реальным и виртуальным пространством нивелируется, благодаря лингвистическому повороту, провозгласившему, что язык — это дом бытия [Хайдеггер, 1988].

В настоящее время, когда особое внимание уделяется проблемам гендерного равенства, судьба женщин исторического прошлого оказалась в сфере научных интересов Лорел Тэтчер Ульрих, исто-

рика, профессора Гарвардского университета. Отдавая дань «незаметному труду обычных людей» и пытаясь «выявить взаимосвязь между историческими событиями и частной жизнью», она создала в 1990 году «микронарративный» шедевр “*A Midwife’s Tale: The Life of Martha Ballard based on her diary, 1785–1812*” — «История повитухи: жизнеописание Марты Баллард, основанное на ее дневнике, 1785–1812» [Ulrich, 1990], получивший Пулитцеровскую премию по истории. В данном нарративе историк реконструирует жизнь колонистов, ставших гражданами США, в первые годы существования молодой Республики после окончания Войны за независимость (1775–1783), в восприятии простой женщины.

Посмодернизм и антропоцентризм позволили историкам отказаться от традиционно безликого описания войн и битв в истории человечества. Военная история приобрела свое «лицо» в 1976 году. В историческом нарративе *The Face of Battle* — «Лицо брани», созданном военным историком сэром Д.Д.П. Киганом (John Desmond Patrick Keegan) [Keegan, 1978], мы наблюдаем, как пространство Северной Европы, являвшееся в разные века театром судьбоносных для европейцев битв с участием британских солдат, таких как битва при Азенкуре (1415 г.), битва при Ватерлоо (1815 г.) и битва при Сомме (1916 г.), при пересечении «двух осей координат — пространства и времени» [Загрязкина, 2023: 40], соединяющихся диахронно переплетающимися линиями [Загрязкина, 2023: 41], становится «местом памяти» [Нора, 1999], переходящем в «место знания» [Jacob, 2007], в которое сэр Киган вовлекает своих читателей. Появление большого количества исторических нарративных произведений в конце XX века заставило историков заявить о возрождении нарратива [Stone, 1987]. В настоящее время исторический нарратив является практически единственным жанром исторического дискурса, лучшие произведения которого получают Пулитцеровскую премию. Однако фокус историков сместился с «маленького человека» на выдающихся людей прошлого, о которых они создают эпические нарративы, закрепляя на ментальном уровне исключительность истории народа, запечатлевая ее в его исторической памяти.

История — это сложная многоуровневая наука, одним из средств сохранения памяти которой является нарратив, сочетающий науку и искусство. Нарративная история непосредственно связана с передачей исторических фактов с субъективно-эмоциональной позиции историка, который помимо научного знания и воображения обладает литературным даром, способностью передавать настроение и темперамент людей далеких эпох. Функции

исторического нарратива, который играет определяющую роль в воссоздании жизни людей исторического прошлого, заключается в том, чтобы «укрепить единство, поднять дух, проявить этническую общность внутри <современного> сообщества» [Молчанова, 2011: 12]. Несмотря на то, что многие историки-постмодернисты скептически относились к «мининарративам», они были готовы признать, что прошлое можно систематизировать, соединив разрозненные события в целостную нарративную картину развития человеческого общества, допуская множество прочтений одного источника. Исторический нарратив, предоставляя возможность осмысления исторических событий в увлекательной форме, формирует историческую память народа. Мир, канувший в прошлое, возрождается в нарративах, создающих на основе реальных фактов иллюзорную реальность, определяющую будущее человечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.
2. Загряжкина Т.Ю. Динамика символизация культуры: от мест памяти к местам перехода (на примере франкоязычных научных дискурсов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 37–48.
3. Левицкий А.Э. Антропоцентризм как основа когнитивно-дискурсивного анализа единиц языка // Когнитивные исследования языка. 2016. № 27. С. 184–191.
4. Молчанова Г.Г. Методы исследования в межкультурной коммуникации: символ как когнитивная память культуры // Вестн. Моск. ун-та. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 1. С. 7–24.
5. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция памяти. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999, С. 17–50.
6. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000.
7. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме. Проблема человека в западной философии: Переводы. Сост. и послесл. П.С. Гуревич. М.: Прогресс, 1988.
8. Braudel F. The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II, Collins, 1972.
9. Burke P. History of events and the revival of narrative, in: P. Burke (ed.), *New Perspectives on Historical Writing, Polity*, 1991.
10. Butterfield H. *History and Human Relations*, Collins, 1951.
11. Ginzburg C. *The Cheese and the Worms: The Cosmos of a Sixteenth-Century Miller*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press and the Routledge& Kegan Paul Ltd, 1980.
12. Jacob Ch. *Les lieux de savoir*. En 2. Vol. 2007.
13. Keegan J.D.P. *The Face of Battle: A Study of Agincourt, Waterloo and the Somme*. New York: Penguin Group (USA) Incorporated, 1978.

14. *Runciman S.* A History of the Crusades. Vol. I: The First Crusade and the Foundation of the Kingdom of Jerusalem. Cambridge: University Press, 1951.
15. *Runciman S.* A History of the Crusades. Volume II: The Kingdom of Jerusalem and the Frankish East. 1100–1187. New York: Harper & Row. 1965.
16. *Runciman S.* A History of the Crusades. *A History of the Crusades, Vol. III: The Kingdom of Acre and the Later Crusades.* Cambridge University Press. 1954.
17. *Spence J.D.* The Question of Hu. Biography of John Hu, 18th century Chinese who came to France. New York: Knopf, 1987.
18. *Stone L.* “The revival of narrative” (1979), цит. по его книге: Past and Present Revisited, Routledge & Kegan Paul, 1987.
19. *Southern R. W.* The Making of the Middle Ages, Hutchinson, 1953.
20. *Ulrich L. T.* A Midwife’s Tale: The Life of Martha Ballard based on her diary, 1785–1812. New York: Alfred A. Knopf, Inc., 1990.
21. *Wedgwood C. V.* The King’s Peace: 1637–1641. London: Penguin Books, 1993.
22. *Wedgwood C. V.* The King’s War: 1641–1647. New York: Macmillan, 1959.
23. *Zemin-Davis N.* The Return of Martin Guerre, Cambridge, MA: Harvard University, 1983.

Alla P. Minyar-Beloroucheva

HISTORICAL NARRATIVE AS A MEANS FOR THE RECONSTRUCTION OF HISTORICAL MEMORY

Lomonosov Moscow State Univerdity, Moscow, Russia; ostvera@mail.ru

Abstract. The paper examines historical narrative in a diachronic aspect, to which historians and philosophers of the 20th century have been ambivalent. Historical narrative as one of the ways of presenting and interpreting historical events, characterised by the consistency of the presentation of material, consideration of the causes and consequences of specific events, can take many forms due to the wide variety of purposes faced by historians, including both printed material and visual material embodied in documentaries and feature films. The importance of historical narrative in historical discourse is considerable. Historical narrative is not limited to the description of facts and events, it contributes to the formation of the perception of history from the position of the historian who created it, since the world view of the historian is conditioned by his or her milieu. The aims and objectives of this article are to analyse the arguments put forward by supporters and opponents of historical narrative; to identify the scale and type of events that allow their representation in the form of historical narrative. The results of the research show that historical narrative plays a key role in the perception and understanding of the world of the past. The research methods consist of analysis and synthesis of the studied narratives, coding, inductive and deductive methods, necessary to identify the patterns of the narratives’ themes. As a result of the research conducted, it was established that historical narrative plays an important role not only in the understanding and perception of historical events by the recipient, but also in the formation of his/her historical memory.

Keywords: historical narrative, historical memory, events of the past, identity preservation, historian

For citation: Minyar-Beloroucheva A.P. (2025). Historical narrative as a means for the reconstruction of historical memory. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1(28), pp. 186–197. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-13 (In Russ.)

About the author: Alla P. Minyar-Beloroucheva — Dr. Habil. in Philology, Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; ostvera@mail.ru

REFERENCES

1. Brockmeier J., Harre R. 2000. *Narrativ: problemy` i obeshhaniya odnoj al`ternativnoj paradigmy`* [Narrative: problems and promises of an alternative paradigm]. *Questions of Philosophy*, no. 3, pp. 29–42.
2. Zagryazkina T.Yu. 2023. Dinamika simvolizaciy kul`tury`: ot mest pamyati k mestam perexoda (na primere frankoyazy` chny`x nauchny`x diskursov [Dynamics of cultural symbolization from places of memory to places of tradition (on the example of French-Language discourses)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 37–48.
3. Levitsky A.E. 2016. Antropocentrizm kak osnova kognitivno-diskursivnogo analiza edinic zazy`ka [Anthropocentricity as the basis of cognitive-discursive analysis in linguistics]. *Cognitive Studies of Language*, no. 27, pp. 184–191.
4. Molchanova G.G. 2011. Metody` issledovaniya v mezhkul`turnoj kommunikacii: simvol kak kognitivnaya pamyat` kul`tury [Research methods in intercultural communication: The symbols as the cognitive memory of a culture]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 37–48.
5. Nora P. *Les lieux de memoire*. Dir. de P. Nora. En 3 vol. 7 livres., 1984–1992.
6. Ter-Minasova S.G. 2000. *Yazy`k i mezhkul`turnaya kommunikaciya* [Language and intercultural communication]. M.: Slovo.
7. Heidegger M. 1988. *Pismo o gumanizme. Problema cheloveka v zapadnoj filosofii: Perevody`* [A letter on humanism. The Human Problem in Western Philosophy: Translations]. Sost. i poslel: P. S. Gurevich. M.: Progress.
8. Braudel F. 1972. *The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II*, Collins.
9. Burke P. 1991. *History of events and the revival of narrative*, in: P. Burke (ed.), *New Perspectives on Historical Writing*, Polit.
10. Butterfield H. 1951. *History and Human Relations*, Collins
11. Ginzburg C. 1980. *The Cheese and the Worms: The Cosmos of a Sixteenth-Century Miller*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press and the Routledge& Kegan Paul Ltd.
12. Jacob Ch. 2007. *Les lieux de savoir*. En 2 vol. 2007.
13. Keegan J.D.P. 1978. *The Face of Battle: A Study of Agincourt, Waterloo and the Somme*. New York: Penguin Group (USA) Incorporated.

14. Runciman S. 1951. *A History of the Crusades*. Vol. I: The First Crusade and the Foundation of the Kingdom of Jerusalem. Cambridge: University Press.
15. Runciman S. 1965. *A History of the Crusades*. Volume II: The Kingdom of Jerusalem and the Frankish East, 1100–1187. New York: Harper & Row.
16. Runciman S. 1954. *A History of the Crusades*. Vol. III: The Kingdom of Acre and the Later Crusades. Cambridge University Press. 1954.
17. Spence J.D. 1987. *The Question of Hu. Biography of John Hu, 18th century Chinese who came to France*. New York: Knopf.
18. Stone L. 1987. “*The revival of narrative*” (1979), quote by: Past and Present Revisited, Routledge & Kegan Paul.
19. Southern R.W. 1953. *The Making of the Middle Ages*, Hutchinson.
20. Ulrich L.T. 1990. *A Midwife’s Tale: The Life of Martha Ballard based on her diary, 1785–1812*. New York: Alfred A. Knopf, Inc.
21. Wedgwood C.V. 1993. *The King’s Peace: 1637–1641*. London: Penguin Books.
22. Wedgwood C.V. 1959. *The King’s War: 1641–1647*. New York: Macmillan.
23. Zemin-Davis N. 1983. *The Return of Martin Guerre*, Cambridge, MA: Harvard University.

Статья поступила в редакцию 01.11.2024;
одобрена после рецензирования 08.12.2024;
принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 01.11.2024;
approved after reviewing 08.12.2024;
accepted for publication 25.12.2024.